

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

СПЕЦИАЛЬНЫЙ (СЕДЬМОЙ) ВЫПУСК ЦЕНТРАЛЬНОГО ПЕЧАТНОГО ОРГАНА МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН ГАЗЕТЫ «ВАТАНПАРВАР» И СОВЕТА МУЗЕЯ С. ЕСЕНИНА В ТАШКЕНТЕ

● Август, 1993 г.

№ 118 (251).

Цена договорная

ШАГАНЭ — ИМЯ ПОЭТИЧЕСКОЕ

ОБ ОДНОЙ ЛЕГЕНДЕ ИЗ ЖИЗНИ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

Великие люди обычно вызывают повышенный интерес при жизни. И лишь о немногих из них вспоминают спустя десятилетия после смерти. Один из таких великих людей — гениальный поэт Сергей Александрович Есенин, интерес к жизни

и творчеству которого не только не пропадает, но, напротив, увеличивается. Сомнению подвергаются казавшиеся когда-то неизблемыми факты, рушатся прежние мифы, создаются новые.

Почти треть века существует версия о Шаганэ — героине лучшего есенинского цикла «Персидские мотивы», прообразом которой якобы послужила Шаганэ Нерсисовна Тертерян (обычно ее называют по фамилии второго мужа — Тальян, однако зимой 1924—1925 гг. она носила фамилию Тертерян).

Шаганэ — урожденная Абрамян, родилась 22 апреля 1900 года в Ахалцихе Тифлисской губернии. Дед ее был священником, отец — вначале педагогом, затем тоже священником, умер в 1919 году. Мать умерла еще раньше, в 1911 году. Шаганэ училась в приходской школе в Ахалцихе, затем, по ее утверждению, в женской гимназии на станции Михайлово. Однако в те годы гимназии были только в губернских и больших городах, а Михайлово — небольшой железнодорожный поселок. Возможно, на станции была прогимназия — четырехклассное училище, дававшее право поступать по окончании его в пятый класс гимназии.

После окончания в 1920 году Фребелевских курсов она вела в армянских школах нулевую группу. В 1921 году вышла замуж за экономиста Тертеряна, жила в Тифлисе, в 1922 году родила сына, а в середине 1924 года овдовела. Осенью этого года приехала к сестре в Батум, где работала групповодом первого класса армянской школы (большинство исследователей называют ее учительницей литературы, а В. Белоусов, ссылаясь на воспоминания Ш. Тертерян-Тальян, пишет, что она преподавала арифметику в 4, 5, 6-м классах, но армянская школа была всего двухклассной, в первом классе преподавала ее сестра, а в «нулевке» работала она сама, то есть в школе были всего две учительницы на два класса). Из Батума она уехала в сентябре 1925 года, в 1930 году вышла замуж за композитора Тальяна, продолжала работать в армянской школе до 1934 года, после чего до конца своей жизни в 1931

году уже не работала.

О Шаганэ Нерсисовне Тертерян-Тальян очень много писали в 60—70-е годы, после публикации дарственной надписи С. Есенина на книге «Москва кабацкая», подаренной поэтом Шаганэ. «Дорогая моя Шаганэ, Вы приятны и милы мне», — написал Есенин свою книгу в январе 1925 года. Среди различных газетных и журнальных публикаций выделяются работы В. Белоусова «Сергей Есенин» (М., «Знание», 1965 г.), «Персидские мотивы» (М., «Знание», 1968 г.) и Н. Саакян «Шаганэ ты моя, Шаганэ» («Литературная Армения», 1970, № 10), в которых с безудержным восхвалением рассказывается история поиска Шаганэ, о ее роли в создании цикла прекрасных стихов.

В. Белоусов для того, чтобы доказать, что музой поэтического цикла «Персидские мотивы» была батумская учительница, отыскал и записал свидетельства массажистки и домработницы, очень подробно описал историю своих поисков восьми современников, «подтвердивших, что персидские стихи в Батуме создавались в 1924 году в период знакомства с ней и для нее». Приведенные им воспоминания полностью отвечают его задаче, однако одна из отысканных им свидетельниц оставила совершенно иные воспоминания, которые, по вполне понятной причине, не вошли в работы В. Белоусова и никогда не использовались другими исследователями.

В Государственном литературном музее хранятся воспоминания о знакомстве А. Коломейцевой с С. Есениным в Батуме, в которых рассказывается следующее: «По соседству с нами (общий коридор), в порядке уплотнения квартиры моих воспитателей сестер Арнольди, была вселена учительница начальной армянской школы Амбарцумян Катра. Осенью 1924 года к ней приехала только что овдовевшая сестра ее Тертерян, коротко ее звали Шага. Она, кажется, поступила в ту

же армянскую школу учительницей нулевой группы.

Особенного контакта у меня с сестрами не было; прежде всего из-за очень плохого знания ими русского языка, неразвитости их и отсутствия общих устремлений и интересов. К тому же я была всегда очень занята: я готовилась поступать в Ленинградскую консерваторию (контральто). Однажды, когда я пела у себя «Матушку-голубушку» Гурилева, воюет ко мне Амбарцумян Катра и восторженно говорит: «К нам пришел знаменитый русский поэт Есенин, заходите!» Я отказалась, так как очень мало знала его как поэта, а о поведении его ходили дурные слухи. Однако когда он постучал в дверь и, взглянув ко мне, очень мило попросил зайти и сесть, добавив: «Я так люблю русские песни и все русское», — я не смогла ему отказать и спела по его просьбе «Матушку-голубушку». Посидев с полчаса в их обществе, я ушла. Есенин сердечно поблагодарил меня, крепко пожал руку и, так как я ему сказала, что скоро уезжаю, пожелал мне счастливого пути. Больше я его не видела. Осталось о нем грустное впечатление: он явно тосковал, ничто его не отвлекало от его тяжелых дум. Порою он уходил далеко-далеко, и лицо его вдруг становилось серым, тяжелым, говорил мало». И далее авто-воспоминаний делает свое заключение, на которое исследователи не обратили внимания: «Познакомившись с некоторыми статьями Белоусова В. Г., Н. Саакян, поражена той огромной ролью, которая приписывается Тертерян в поэтическом творчестве Есенина. Зная ее как очень заурядную женщину, не допуская, чтобы могла она давать поэту точные и краткие указания, присутствовать в его творчестве, когда она еле еле говорила по-русски. Есенин же по-армянски не говорил и не писал стихов на этом языке. Меж-

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Потому, что я с севера, что ли,
Я готов рассказать тебе поле,
Про волнистую рожь при луне.
Шаганэ ты моя, Шаганэ.
Потому, что я с севера, что ли,
Что луна там огромней в сто раз,
Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолий.
Потому, что я с севера, что ли.
Я готов рассказать тебе поле,
Эти волосы взял я у ржи,
Если хочешь, на палец вяжи —
Я нисколько не чувствую боли.
Я готов рассказать тебе поле.
Про волнистую рожь при луне
По кудрям ты моим догадайся.
Дорогая, шути, улыбайся,
Не буди только память во мне
Про волнистую рожь при луне.
Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Там, на севере, девушка тоже,
На тебя она страшно похожа,
Может, думает обо мне...
Шаганэ ты моя, Шаганэ!

Сергей Есенин,
1924 г.

(Продолжение на 2-й стр.)

(Продолжение.
Начало на 1-й стр.).

ду прочим, фотография Тертерян на стр. 49 «С. Есенин» В. Г. Белоусова принадлежит ей, а фотография в «Персидских мотивах» его же на стр. 30 — не ее. Она-то и найдена в архиве Есенина».

К этому можно добавить, что в воспоминаниях А. Лаппа-Старженецкой, хранящихся в фондах ГИМ, также отмечается слабое знание Шаганэ русского языка: «люди, хорошо знавшие Тертерян, помнят отлично, что общение с ней было затруднено из-за ее незнания русского языка (обиходных слов она не знала) и неразвитости».

Можно предполагать, что в воспоминаниях присутствует определенная доля предвзятого субъективного отношения в оценках батумских знакомых, но В. Белоусов и сторонники созданной им версии не догадались внимательно перечитать письма Сергея Есенина из Батума, а именно они являются важными документами, которые не могут быть подвергнуты никакому сомнению, которые никак не вписываются в версию о Шаганэ Тертерян — есенинской музе.

Известно, что С. Есенин приехал в Батум рано утром 7 декабря 1924 года вместе со своими тифлисскими друзьями — журналистом Н. Вержбицким и художником К. Соколовым. Сохранилось воспоминание современницы о внешнем облике поэта в эти дни: «Тяжелый подбородок, мясистое, слегка обрюзгшее лицо, глубокие складки во круг рта. Только глаза, светлые, ясные, всегда устремленные вперед, говорили о потенциальной силе, ясности ума, углубленности в себя» (А. А. Лаппа-Старженецкая. Есенин — Батум — батумцы, ГИЛ, фонд 4, Есенин).

Уже с первых дней пребывания в Батуме Есенин был болен, о чем он пишет Г. Бениславской и П. Чагину. Болезнь продолжалась, очевидно, довольно долго. Как вспоминает Н. Вержбицкий, болезненное состояние проявилось незадолго до снежной бури. «Есенин простудился, стал сильно кашлять и прерывнейшим образом уверял меня, что у него горловая чахотка, и он скоро умрет». Об этой простуде С. Есенин вспоминает месяцы спустя в письме Г. Бениславской из Баку 11—12 мая 1925 года: «Лежу в больнице. Верхней, отдыхаю... Это результат батумской простуды...»

Пребывание поэта в Батуме было достаточно однообразным: до обеда он работал (во всяком случае, в первой половине своего батумского затворничества), после обеда гулял по городу, заходил в редакцию и на почту, затем направлялся к морю, на причал, прожидать отплывающие пароходы; вечерами бывал в театре, кино, в ресторанах, любил сидеть в подвальчике «Медведь». «Здесь тепло, светло, но перадно», — пишет он Г. Бениславской 12 декабря 1924 года. Было у С. Есенина много ни к чему не обязывающих знакомств, так как приезд поэта в Батум вызвал всеобщее внимание. Его останавливали на улицах, знакомились, приглашали в рестораны. Но в это же время недомогание поэта было заметным. 12 декабря 1924 года он пишет в Москву: «Очень болен и потому не могу Вам написать и рассказать, как живу в Батуме». Через два дня пишет в Баку П. Чагину: «Я отравился и чуть не умер. Даже сейчас болен». Только к 20 декабря 1924 года стало получше. С. Есенин написал Г. Бениславской: «Вержбиц-

кий и Костя уехали обратно. Мы все были сильно простужены. В Тифлисе мы ездили в Ходжоры. Пальто мое знаете, а в горах зверский холод. В духане мы выпили, развеселились, и я сел на автомобиль верхом около передних колес. 18 верст ехал так, играл на гитаре и пел песни. Потом, оказалось, я себе нанел. Только благодаря дьявольскому организму избежал воспаления легких».

По воспоминаниям Ш. Тальян, она тоже впервые увидела С. Есенина на улице. Коротки ее воспоминания. У Тальян не сохранились в памяти многие детали встречи, в записях почти отсутствуют датировки. «К сожалению, в свое время я

«записи Л. О. Повицкого была такова, что не могла объяснить появление в творчестве Есенина шести персидских стихотворений, связанных с именем Шаганэ — Шаги... Даже публикация ее состоялась не могла». И тут же в примечании В. Белоусов указывает: «По результатам розысков автора книги, Л. О. Повицкий исправил в 1959 году текст своих воспоминаний».

В воспоминаниях Л. Повицкого, первый вариант которых хранится в Государственной публичной библиотеке в Москве, нет ни слова о прекрасном владении Ш. Тертерян русским языком. Приводим небольшой отрывок из воспоминаний

стихотворения «Шаганэ ты моя, Шаганэ...»: «На третий день знакомства (т. е. 18—19 декабря, если следовать В. Белоусову) Сергей Александрович преподнес мне стихотворение «Шаганэ ты моя, Шаганэ...», написанное черным карандашом на двух листах. Было пасмурно, на море начинался шторм. Мы поздоровались, и Есенин предложил пройтись по бульвару, заявив, что не любит такой погоды и лучше почитает мне стихи. Он прочитал «Шаганэ ты моя, Шаганэ...». Здесь налицо логическое противоречие: если человек не любит плохой погоды, он вряд ли предложит гулять по бульвару, тем более что они, как подчерки-

хий: тропические ливни, штормы, снегопады; резкое понижение температуры и даже землетрясение отрезали Батум от внешнего мира. Ни об одной женщине он не вспоминает добром в своих письмах, не восхищается ничьей красотой, и совершенно ясно, как далеко он был в те времена от увлечений женщинами.

О чувстве тоски, владевшем поэтом в Батуме, говорят и воспоминания А. Колемейцевой и А. Лаппа-Старженецкой. «Батум — город небольшой, и я часто встречала его на улице и всегда слышала от него одну и ту же тоскующую фразу: «В Москву хочу, все мне здесь опостытело... Черного хлебушка хочу, русского хлебушка...». В письме к Бениславской поэт подчеркивает: «Мне здесь дьявольски надоело. Скоро соберу манатки и перееду в Баку... Здесь очень скучно... Страшно скучаю. Батум хуже деревни. Очень маленький, и все друг друга знают наперечет. Игру с тоской в бильярд». Пришлите мне все, что вышло из новых книг, а то и читать нечего...». Если бы у него была в то время хоть какая-то привязанность, он не рвался бы так уехать из надоевшего и опостылевшего ему города.

Болем измученного духовным одиночеством и страшной, опустошающей душу тоской пронизаны написанные здесь стихотворения «Цветы» и «Батум». Их трудно цитировать, трудно вырывать отдельные строки, настолько глубоко проникли они цементами чувством одиночества, ненужности, безысходности.

Ш. Тертерян пишет, что С. Есенин бывал у нее почти ежедневно («Если он не встречался со мной на улице, то непременно приходил к нам домой»), а сам поэт в письме Н. Вержбицкому пишет 31 декабря 1924 г.: «Черт знает что такое с заносами. Я думал, что мы погибнем под волнами прыгающего на нас моря. Никуда не выходил целую неделю, и письмо одно к тебе истрепалось у меня в кармане». Это письмо также опровергает и слова Ш. Тертерян о том, что они с Есениным катались на санях на второй день после сильного снегопада, в конце декабря 1924 года. По сообщению «Зари Востока» от 30 декабря 1924 г. можно установить, что санный путь в Батуме был установлен 29 декабря: «Батум, 29 декабря. Третий день дует снежная метель. В городе снег на аршин. Установился санный путь». Следует отметить, что вторично санный путь был установлен 9 января 1925 года. А в это время С. Есенин из дому не выходил.

И наконец, Ш. Тертерян утверждает, что Есенин «всегда приходил с цветами: иногда с розами; чаще с фиалками». Цветы сам очень любил. Однако город более полтора месяцев был занесен снегом, и ни о каких цветах речи быть не могло, особенно о фиалках. По сообщениям той же газеты «Заря Востока» от 14 февраля 1925 года, в заметке «Первые цветы» можно прочесть: «Батум, 13 февраля. Продолжает стоять ясная погода. В городе появились первые весенние цветы». Но в то время, по воспоминаниям самой Ш. Тертерян, встречи их прекратились.

Таким образом, все, о чем говорит Ш. Тертерян в своих воспоминаниях, не находит реального подтверждения ни в письмах С. А. Есенина, ни в воспоминаниях близких знавших его людей, ни в официальных сводках погоды в Батуме в те дни.

(Продолжение в следующем выпуске «Мира Есенина».)

ШАГАНЭ — ИМЯ ПОЭТИЧЕСКОЕ

ОБ ОДНОЙ ЛЕГЕНДЕ ИЗ ЖИЗНИ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

не думала о том, как впоследствии важно будет вспомнить каждый разговор, даже слово; я не вела дневника, что теперь очень затруднило восстановление в памяти содержания наших разговоров, всех деталей его поведения и дат, — пишет В. Белоусов, цитируя ее письмо от 29 января 1959 года. Однако это не помешало В. Белоусову принять на веру все то, что ему сообщила Ш. Тальян.

Попробуем критически прочесть воспоминания Ш. Тальян с привлечением писем С. Есенина, воспоминаний его ближайших друзей и регулярных сообщений газеты «Заря Востока» о погодных условиях в Батуме в декабре—феврале 1924—1925 годов.

Ш. Тальян не называет точно дату, когда они познакомились. По мнению В. Белоусова, это произошло 16—17 декабря, то есть тогда, когда С. Есенин писал Г. Бениславской: «Работается и пишется мне дьявольски хорошо. До весны я могу и не приехать. Лева запирает меня на ключ и до трех часов никого не пускает. Страшно мешают работать» (17 декабря 1924 года). Трудно представить, что занятия в нулевом классе двухклассной школы продолжались так долго — ибо встреча могла состояться только после трех часов дня. Если верить Ш. Тальян, вечером этого же дня С. Есенин с Л. Повицким пришел к ним домой, где они и познакомились, а на следующий день вечером они присутствовали на литературном вечере в доме Л. Повицкого, у которого жил Сергей Есенин. И именно тогда, 18—19 декабря, по мнению В. Белоусова, было написано стихотворение «Шаганэ ты моя, Шаганэ...», а на следующий день — «Ты сказала, что Саади...» Не слишком ли скоропалительно развивались их отношения и можно ли поверить, что эти жемчужины мировой поэзии были написаны на второй день после встречи с женщиной, слабо владеющей русским языком, с которой не о чем было говорить?

Интересно мнение ближайшего батумского друга С. Есенина Л. Повицкого о Ш. Тертерян. Существует несколько вариантов его воспоминаний. Более ранние воспоминания 40—50-х годов значительно отличаются от более поздних, опубликованных в двухтомнике «С. А. Есенин в воспоминаниях современников». Мы склонны считать более достоверным именно первый вариант, ибо все исправления в воспоминаниях вызваны какими-то внешними причинами и искажают истину. Исправления, кстати, были связаны с В. Белоусовым, который заметил, что

Л. Повицкого о Ш. Тертерян, отбрасывая, по этическим соображениям, особенно неслучные слова о ней как о женщине: «В Батуме С. А. познакомился с молодой армянской женщиной Шаганэ. Интереснее ее лицом была ее младшая сестра Като — девушка-учительница. Она знала стихи Есенина и потянулася к поэту всей душой. Есенин, однако, пленился ее сестрой, с лицом, совершенно не типичным для восточной женщины. Объяснением может служить певучее имя Шаганэ и сходство Шаганэ с лицом девушки на севере. Благодарный, он на прощание подарил ей незабываемые строки из «Персидских мотивов»... Близость к Шаганэ не помешала С. Есенину предложить руку и сердце другой девушке в Батуме «Мисс Оль» (Ольга Кобцова. — Г. Ш.). Это была девушка лет 18-ти».

Рукописи обоих стихотворений — «Шаганэ ты моя, Шаганэ...» и «Ты сказала, что Саади...», якобы подаренные поэтом Ш. Тертерян, утрачены, причем ее объяснение совершенно смешотворно: кто-то взял сфотографировать и не вернул. Логичнее предположить, что Есенин не дарил ей своих автографов: если согласиться с мнением мемуаристов, что Шаганэ очень плохо знала русский язык, они ей просто были не нужны.

Сомнение вызывает также предполагаемая, по воспоминаниям Ш. Тальян, дата написания и чтения ей

вайт Ш. Тальян, постоянно встречались дома. Кроме того, согласно сводке погоды, шторм в Батуме начался не 18—19 декабря, а 22—23, о чем писала газета «Заря Востока» от 26 декабря 1924 года.

Таким образом, связывать стихотворения «Шаганэ ты моя, Шаганэ...» и «Ты сказала, что Саади...» с 18—19 декабря, как это делает В. Белоусов, по меньшей мере некорректно. Назвав эту дату, он, как твердо установленный факт, сообщает, что оба стихотворения Есенин отправил Бениславской в Москву 20 декабря, а Чагину в Баку — 21 декабря. Есенин, действительно, посылал какие-то стихи, но не называл их. «Галля, милая, «Персидские мотивы» — это у меня целая книга в 20 стихотворений, — писал С. Есенин Бениславской 20 декабря 1924 года. — Посылаю Вам еще два. Отдайте все 4 в журнал «Звезда Востока». Чагину же в письме 21 декабря сообщал: «Стихи посылаю вторично. «Цветы», как хочешь, печатай или не печатай... Стихи о Персии я давно посвятил тебе».

Если верить Ш. Тальян и В. Белоусову, именно в это время он был увлечен этой молодой женщиной, однако в письме Г. Бениславской от 20 декабря нет и намека даже на простое, чем-то заинтересовавшее его знакомство: «Может быть, в мире все мираж, и мы только кажемся друг другу. Ради Бога, не будьте миражом Вы. Это моя последняя ставка, и самая глубокая... Я слишком ушел в себя и ничего не знаю, что написал вчера и что напишу завтра. Только одно во мне сейчас живет. Я чувствую себя просветленным, не надо мне этой глупой шумливой славы, не надо построчного успеха. Я понял, что такое поэзия. Мне скучно здесь. Без Вас, без Шуры и Кати, без друзей. Идет дождь тропический, стучит по стеклам. Я один. Вот и пишу, и пишу. Вечерами с Левой ходим в театр или ресторан... Жизнь тихая, келейная... Днем, когда солнышко, я оживаю. Хожу смотреть, как плавают мелузы. Увлечений нет. Один. Один. Хотя за мной тут бабы гонятся... Так много и легко пишется в жизни очень редко. Это просто потому, что я один сосредоточен в себе... От скуки хоть фразить буду... Однако я здорово записался — 4 страницы пишу. Это все оттого, что я о Вас соскучился». (Здесь и далее подчеркнута нами. — Г. Ш.)

Вообще все письма С. Есенина из Батума разным лицам говорят о страшной скуке, тоске, одиночестве в этом маленьком городке, который в дни пребывания там поэта оказался в плену сти-

МНЕНИЕ

КОГДА ЖЕ ВПЕРВЫЕ С. ЕСЕНИН ВСТРЕТИЛСЯ С ВОСТОКОМ?

П. Тартаковский в своей, безусловно, очень интересной и ценной книге «Свет вечерний шафранного края» (Ташкент, 1981 г.) прибытие поэта в столицу Узбекистана весной 1921 года определяет, как «самую первую встречу с Востоком» великого русского поэта (стр. 73).

Между тем, впервые С. Есенин встретился с Востоком не в далеком Туркестане, а в Крыму. В начале июля 1914 года он отправился из Москвы в Ялту и, пробыв там месяц, в начале июля возвратился в Москву. Была и еще одна поездка в Крым — в 1916 году.

«Ворота Ази» назвал свою родную Грузию друг С. Есенина поэт Паоло Яшвиани, и то же можно сказать о Крыме, который А. С. Пушкин именовал уголком Ази в Европе. Именно в Крыму С. Есенин впервые встретился с «живым Востоком».

Это сейчас Ялта изменила полностью свой внешний облик, до революции же она была в значительной степени «восточным» городком. В то время Ялта резко делилась на две части — европейскую и восточную. В восточной — мечети, минареты, возгласы муэдзинов, татарские домики с глухими стенами на улице и окнами во двор, восточный базар, кофейни — все говорило о Востоке. В Ялте было два дворца эмира бухарского Динафаха Музафар-эдинова, построенных в восточном стиле (оба сохранились, в одном из них был создан

Восточный музей, потом, однако, ликвидированный).

В Крыму С. Есенин впервые знакомится с особенностями восточного образа жизни, природой, поэзией. «Гортанная речь татар», позднее упоминавшаяся в его поэзии, впервые была им услышана в Ялте. В Москве он рассказывал друзьям о горделивой осанке «азиатов», об удивительном изяществе и врожденном чувстве свободы. Такими они впервые увидел в Крыму — это были крымские татары. Татар и караймов в Ялте, правда, жило, по данным переписи 1909 года, немного — около полутора тысяч человек. Жили они больше на окраине города — в Аутке, известной многим благодаря тому, что там построил свой дом А. П. Чехов (там была мечеть, но жили там и греки), и еще в двух деревнях (где тоже были мечети, в нынешней Ялте, к сожалению, не сохранившиеся).

«Международные отношения» в Крыму времен С. Есенина можно охарактеризовать словами выдающегося крымско-татарского просветителя Исмаила Гаспринского, издававшего в Бахчисарае газету на крымско-татарском языке: «Русский человек легко сходится и наилучше уживается с различными народностями. Мусульмане не чувствуют себя чужими на Руси и не чуждаются общению и сближения с русскими людьми». Как это созвучно пламенному восклицанию С. Есенина: «И сам я тоже азиат!».

Конечно, С. Есенин не выступал в Ялте с чтением своих стихов и с лекциями о современной поэзии, не устраивал творческих вечеров, как это было через семь лет в Ташкенте. В свой приезд в Крым он был начинающим поэтом, хотя у него в творческом багаже было уже немало прекрасных стихотворений, например, всем известное «Вытаскал на озере алый свет зари...»

В книге П. Тартаковского приводятся воспоминания художника Ф. Лихолетова о посещении С. Есениным ташкентской чайханы. Создается впечатление, что поэт до этого никогда не был в чайхане. Хотя у нас нет подобных воспоминаний о ялтинском пребывании поэта (и вообще никаких) летом 1914 года, но можно предположить, что чайхану, которых в Ялте было немало, С. Есенин впервые посетил в Крыму.

Встреча С. Есенина с Востоком в Крыму не ограничивается его знакомством с жизнью и бытом крымских татар. Поэта интересовала и крымская природа. Очень многие растения, которые С. Есенин впервые увидел в Крыму, растут на Ближнем Востоке и в Средней Азии.

В «Персидских мотивах» С. Есенин называет Персию «шафранным краем». П. Тартаковский отнес это определение и к Узбекистану в самом названии своей монографии. Но шафран (прокус) С. Есенин мог видеть в Крыму, где он растет до

вольно широко. В Крыму встречается четыре вида шафрана, причем цветут разные виды в разное время, от ранней весны до поздней осени. Но если маленький шафран С. Есенин мог и не заметить, то относительно кипарисов сомневаться не приходится. Их в Крыму, больших, высоких, красивых, вполне достаточно. Ливанские и гималайские кедр, туя, олеандр, лавр благородный — все эти деревья и кусты растут в Крыму, как и в других «восточных» странах. И образы этой восточной природы появляются в стихах С. Есенина после возвращения его из Крыма. До 1914 года он писал только о «стране березового ситца», о природе Рязанщины. В стихотворении «Тебе одной плету венки», написанном в 1915 году, воспеваются вся Русь — «далекая и близкая»:

Но вся ты — смирна и ливан
Волхвов, потайственно
волхвующих.

Здесь «смирна» — благовоющая смола: волхвы, пришедшие поклониться новорожденному Христу, принесли ему дары, в числе которых была благовоющая смола смирна. А ливан — это ливанский кедр.

«Ты научи мой русский стих кизилловым струнчьем соном», — писал С. Есенин позже, обращаясь к Кавказу. Но кизил он впервые увидел в Крыму. Это одно из аборигенных растений Крыма (растет и кустом, и деревом, образуя иногда отдельные рощи). Цветущий кизил — красота Крыма, его нельзя не заметить. «Рать молчаных кипарисов...», «Запах олеандра и левкоя...» Тема природы Востока сильнее звучит в стихах С. Есенина после того, как он побывал в Сред-

ней Азии и на Кавказе, но кипарисы, ливанские кедр, олеандры и другие растения он впервые увидел в Крыму.

«Самая первая встреча» С. Есенина с Востоком — это не только его первая встреча с людьми и природой Востока в Крыму, но и встреча с историей Востока, а точнее — с вопросом об исторической связи России с Востоком. Это — огромная тема, достойная докторской диссертации. Упомянем только один факт. Свою поэму «Сказание о Евпатии Коловрате» С. Есенин начал писать до приезда в Крым, а закончил после возвращения из крымской поездки. Впервые читал поэму С. Есенин в 1916 году в Москве. Народные предания о подвиге рязанского воеводы Евпатия Коловрата, погибшего в неравном бою с ордами хана Батые, Есенин слышал у себя на родине, но он читал «Повесть о разорении Рязани Батыем», автором которой является уроженец Корсувья (нынешний город Севастополь) Евстафий Корсунов (Корсунянин), переселившийся в Рязань в 1224 году и бывший свидетелем нашествия хана Батые на Рязань в 1237 году.

П. Тартаковский приводит автобиографическую записку С. Есенина в 1923 году: «Ездил по России: Туркестан... Кавказ, Украина и Крым». И совершенно справедливо замечает, что Есенин упорно повторяет в следующей автобиографии 1924 года: «Я был в Туркестане, на Кавказе... в Крыму». Пребывание С. Есенина в Крыму, как и его посещение Туркестана, Кавказа, имело значительное влияние на него как на человека и поэта.

В. КРАВЧЕНКО.

ДАР МУЗЕЮ

ЧЕМОДАН ПОЭТА

О том, что у Татьяны Сергеевны хранится отцовский чемодан, мы узнали не сразу. На одной из встреч в музее в связи с очередной годовщиной приезда С. А. Есенина в Ташкент она рассказала об этом и год спустя, уже на своей квартире, бережно и как-то онасливо передала его мне. Это было 23 мая 1987 года. Именно в этот день чемодан из балконного шкафа, где он хранился, перекочевал на музейную витрину. Свой подарок Т. С. Есенина сопроводила дарственной, в которой с присущей ей точностью и сдержанностью сказано об истории этого чемодана, который претерпел немало испытаний, длительные годы служил поэту, его жене З. П. Райх, затем дочери, наполнявшей его вещами и книгами вперемежку с горестями разлуки с Москвой в первые годы войны и надеждами на гостеприимство земли восточной, с которой в 1921 году познакомился С. Есенин.

«Передаю Музею С. Есенина кожаный коричневый чемодан, принадлежавший моему отцу Сергею Александровичу Есенину. Этот чемодан он приобрел во время заграничной поездки и привез его в Москву в 1923 году.

В последние дни жизни моего отца этот чемодан находился вместе с другими вещами в пятом номере ле-

нинградской гостиницы «Англетер». Мною и моим братом К. С. Есениным были унаследованы вещи, которые наш отец взял с собой в свою последнюю поездку в Ленинград: сундук-гардероб и три чемодана. В них находились в основном носильные вещи — белье, верхняя одежда, обувь.

В 30-е годы моя мать З. П. Райх и отчим В. Э. Мейерхольд брали с собой коричневый чемодан в поездки по стране и за границу. На крышке заметна процарапанная (не знаю кем) надпись, появившаяся во время одной из заграничных поездок. 23 мая 1987 г. Ташкент. Т. С. Есенина».

О том, с какими мыслями и чувствами я принимала этот дар, и как позже мы берегли чемодан, не рискуя его даже реставрировать, трудно писать. Важным для нас было не только пополнение фондов музея личными вещами русского поэта, но то сопутствовало благословение и доверие семьи ташкентской ветви рода Есенина, от которой мы с надеждой ждем передачи вещей, книг, рукописей, принадлежавших Татьяне Сергеевне, чтобы с ними могли познакомиться многочисленные читатели поэзии ее великого отца. Чемодан С. Есенина будет представлен в новой экспозиции музея, а рассказ о его судьбе явится еще одной интересной страницей творческой биографии не только поэта, но и его детей, внуков, правнуков, оказавшихся в Ташкенте.

А. МАРКЕВИЧ.

ПОЭТИЧЕСКИЙ ВЕНОК

В память о Татьяне Сергеевне

С. В. ЕСЕНИНУ

Я Ваши встретила глаза
Той необузданной теплоты.
Теперь прощальная слеза
Мне видится на смертном
лике.
ТээС — звал Таню-маму
внук.
Как Вы, незащищенный
тоже.
Когда вся жизнь — цепочка
мук.

С сомнениями, что вечно
гложат.
ТээС — бездонность
глубины,
Взаимность слабости и
силы,
Слова неспешны и умны...
Спасибо, день, осенний,
милый.
Ах, Горенки! Увы, сюда

Не возвратиться больше
Тане.
Не будет теплого гнезда...
И сад давно разлукой
ранен.
Я Ваши встретила глаза
Той необузданной теплоты.
Покой не дает слеза
На изменившемся лице.

М. МАЛОВА.

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

Сыпь да сыпь, гармоньна,
ладями
Под задористый разбойный
свет.
Рано отшумевшими годами
Устывает землю звонкий
лист.
Полыхают рощицы и нивы,
Под югами бронзовая

жесть,
Ты поешь, веселый и
красивый.
Не спорить тебе и
не отцвевать.
Здесь холмы и тихие
ложбины
Омывает небом и водой,
И за каждой веткою

рябины
Чудится Сережа золотой.
Каждый год, когда листву
полощет
Свежий ветер в зарослях
берез,
Даже городская светит
площадь
Золотым огнем твою волос.

П. КУЗЯЧКИН.

Перевод

В 1914 году Сергей Есенин перевел отрывок из поэмы Тараса Шевченко «Княжна» (1858). Не утихают, по России
бушуют снежные моря.

Сергей Есенин ночью синей
читает книгу Кюбааря.
Вот замечательное место:
«Село! В душе моей покой».
Как будто медленная песня
коснулась чистой, волной.
Читает — и метельной ночью
ему от слов таких светло.

Как будто видит он вочую
свое родное село.
Как распознать по русски это
и породить какой-то строк
с селом рязанского поэта
«Село в Украине дорогой?»

В. ХОМЯКОВ.

ИЗ ВОСПОМИНАНИИ

ДЕВУШКА ТАНЯ

Я заехал к Меркурьеву на Крестовский остров, но не застал дома. А там ждала его жену Ирину Мейерхольд — девушка лет семнадцати. Милая, легко располагающая к себе. Она закончила в Москве школу и приехала к сестре,

чтоб познакомиться с Ленинградом. Полагая себя в доме Меркурьева своим, я решил развлечь ее и прочитал стихи.

— Почтайте еще что-нибудь!

— Вы так любите стихи?

— Я привыкла к ним. Мой папа тоже писал.
— Перестал, что ли?
— Лет десять, как его нет. Я ведь только считаюсь дочкой Мейерхольда. Я приемная. Моя мама — актриса Зинаида Райх. Его жена. А папа — поэт Сергей Есенин.

Донат МЕЧИК.

ПОЧТОВАЯ ЕСЕНИНА

Филателистическая есенина в настоящее время насчитывает десятки разнообразных единичных марок, спецгашения, конверты, почтовые открытки. Первые почтовые письма и открытки есенинской темы восходят к 20-м годам. В Центральном государственном архиве литературы в фонде М. Шкварского хранится открытка, изданная друзьями С. Есенина.

В 1927 году на одной из выставок в Москве была представлена скульптурная работа Фрих-Хар Исидора Григорьевича (1893 г. рождения). Автор назвал скульптуру в дереве «Шагане Есенина». В сохранившихся отзывах работа была отмечена как не совсем удачная, вычурная и надуманная. Тем не менее она была приобретена для Музея Есенина в Москве.

Скульптура была воспроизведена на почтовой карточке, которая сохранилась в ЦГАЛИ. К сожалению, год выпуска карточки не указан. На лицевой стороне в коричнево-желтоватых тонах дана фотокопия скульптуры: С. Есенин лихо развернул меха тальянки, высоко подняв гармошку, а ниже показана в изгибе талии Шагане — «персиянка» Есенина. На оборотной стороне почтовой карточки кроме необходимых указаний и издательских данных приведена надпись в левом углу: «Фрих-Хар. «Шагане Есенина» — скульптура в дереве, находится в Музее Есенина».

Почтовая карточка работы М. Наппельбаума сложена в два листа. Указано, что открытка издана тира-

жом в 5 тысяч экземпляров в издательстве «Никитинские субботники». Видимо, данная открытка входила в серию открыток «Современные русские писатели», выпущенных издательством «Никитинские субботники». Есенинская открытка сохранилась в нескольких частных собраниях Москвы и Санкт-Петербурга.

Затем до 1957 года наступает период и филателистического замалчивания поэзии С. Есенина. В 1957 году была выпущена цветная почтовая открытка, посвященная Сергею Есенину. На открытке художником А. Романоновской изображен родительский дом поэта в селе Константиново. Этот же рисунок был повторен и на первом художественном конверте есенинской тематики, изданном Министерством связи СССР в 1957 году. На конверте указано: «Село Константиново Рязанской области. В этом доме родился и жил поэт Сергей Есенин (художник А. А. Романоновская)». Как видно, автор рисунка ошиблась: не в этом доме родился и жил поэт, а он только помогал родителям деньгами построить этот дом на месте старого, а вот пожить в нем так и не успел.

В ноябре 1958 года вошла в обращение многоцветная почтовая марка работы художника Р. Жидкова. Художник дал портрет С. Есенина на фоне хрупких березок.

К 70-летию со дня рождения С. А. Есенина был выпущен конверт с портретом поэта работы художника С. Соколова. Рязанский узел связи впервые органи-

зовал специальное гашение. На штемпеле был изображен ствол березы с листьями, здесь же текст: «70 лет со дня рождения С. А. Есенина. 3. X. 1965. Рязань. Узел связи».

В 1968 году на почтовом конверте художник И. Козлов изобразил мемориальный Дом-музей С. А. Есенина в селе Константиново, а в 1969 году фотография этого же Дома-музея была использована на открытке.

К 75-летию поэта почтовая есенина пополнилась еще выпуском нескольких почтовых изданий. В дальнейшем стали довольно регулярно издаваться почтовые эмиссии. В 1973 г. издана открытка с изображением пристани на реке Оке у села Константиново (фотография А. Рязанцева). К 80-летию со дня рождения поэта была выпущена открытка, оформленная Г. Кольевым. На лицевой стороне представлены фотографии В. Надворского Дома-музея С. Есенина, Литературно-художественного музея С. А. Есенина, портрет поэта. В 1978 году распространялась открытка с изображением Дома-музея С. Есенина в Константиново (фото В. Житникова). Памятник С. А. Есенину в Рязани (скульптор А. Кибальников, архитектор Р. Бегун) был изображен на открытке 1980 года (фото В. Борисенко). На почтовой открытке 1982 года напечатана фотография бюста С. А. Есенина (скульптор А. Усаченко, архитектор Н. Истомин), установленного в Литературно-художественном музее С. Есенина (фото А. Ягубова). В 1983 году на

открытке (фото А. Ягубова) были изображены памятные места города Рязани, связанные с именем поэта: памятник С. А. Есенину, Драматический театр, Дом книги.

Значительно пополнилась коллекция конвертов есенинской тематики. В 1975 году в Москве прошла Международная выставка книг. Москва, 1975 год. Раздел «Миниатюрные книги». В 1976 году на Пермской фабрике Гознака был изготовлен почтовый конверт с изображением памятки С. А. Есенину в Москве (скульптор В. Цигаль, архитекторы С. Вахтангов, Ю. Юров). На конверте 1979 года изображен Дом-музей С. Есенина в поселке Мардаклы Азербайджана, где в 1924—1925 годах бывал поэт (рисунок художника Н. Ветца). Литературный музей С. Есенина в Константиново (художник В. Шатихин) изображен на конверте 1983 года. Художник И. Мишуров на конверте 1990 года нарисовал портрет Сергея Есенина. В этом же году был издан почтовый конверт с изображением памятки С. Есенину в Рязани (скульптор А. Кибальников).

Есть несколько почтовых конвертов, оформленных помимо Министерства связи, которые, пройдя через почтовые отправления, представляют интерес для коллекционеров.

Почтовых марок с изображением С. А. Есенина очень мало. В 1975 году почтовое ведомство страны отметило день рождения поэта выпус-

ком есенинской марки, на которой художник В. Пименов воспроизвел портрет С. Есенина на фоне белоствольных берез. Филателистам также известна марка с изображением поэта, которая была пущена в оборот в 1958 году. В 1975 году она была повторена на памятном почтовом блоке (тираж 30 тысяч).

Филателистам известны также специальные гашения в честь юбилейных дат поэта. В 1965 году Рязанский узел связи гасил почтовую корреспонденцию специальным штемпелем с рисунком ствола березы с листьями и надписью «70 лет со дня рождения С. А. Есенина. 3. X. 1965. Рязань. Узел связи». Во время празднования 80-летия со дня рождения С. А. Есенина в Рязани и Константинове использовали специальный штемпель с изображением лиры, гусиного пера и памятной надписи «80 лет со дня рождения С. А. Есенина». Когда отмечали 90-летие со дня рождения С. А. Есенина в Рязани и Константинове можно было использовать специальный штемпель, на котором художник изобразил раскрытую книгу, внизу гусиное перо, на одну из страниц книги свисают ветви березы, а на другой странице книги дата — «90 лет». Внизу надпись: «Со дня рождения С. А. Есенина 90 лет. Константиново. Отделение связи».

Несомненно, что к 100-летию со дня рождения С. А. Есенина филателисты, любители есенины получат новые почтовые открытки, марки, блоки, осуществят специальные гашения не только на родине поэта, но и в других местах, где велось побывать С. Есенину.

Т. ФИЛИПЕНКО,
И. ВРЕМИЧЕВА.

ПЕСНИ ДЖАББАРА КАРЯГДЫ

ИЗ ЦИКЛА ЭТЮДОВ «ЕСЕНИН НА КАВКАЗЕ»

ШЕЛ уже одиннадцатый час дня, а Есенин еще не проснулся. Разбудил его осторожный стук в дверь.

— Кто там? — хриплым голосом крикнул Есенин: вчерашнее холодное пиво на вышке ресторана «Новая Европа» давало себя знать.

— Таварыщ Есенин, — был ответ из за двери, — званил таварыщ Петр Ваныч — кабинет директора... Вас просят...

— Скажите ему, иду, — Есенин быстро встал с кровати, оделся и спустился на нижний этаж.

— Ты, небось, дрыхнешь, как праведник, — услышал он из трубки знакомый голос. — Ну, здравствуй, Извини, что разбудил. Тут, понимаешь, только что встретил у ЦК бакинскую знаменитость — ханенде Джаббара Карягды. Не знаешь, кто такой ханенде? Ханенде — певец. Так вот, ханенде Джаббар приглашает нас к себе, хочет с тобой познакомиться, угостить чайком. Часа через два — сможем? Живет он неподалеку от гостиницы. Мне-то надо быть у Мироньича, а ты сходи: обижать певца нельзя. Я тебе пришло провожатого — кого-нибудь из редакционных поэтов. Сергей Александрович, сходи непременно. Сходишь? Ну, вот и договорились. Потом — в редакцию.

Есенин поднялся к себе в номер, тщательно, как всегда, побрился и пошел в ресторан — завтракать.

Есть не хотелось. Он попросил официанта принести стакан чая и порцию холодной печени — здесь ее готовили по-особому, с острыми специями. В просторном зале пахло жареной бараниной с чесноком.

К концу завтрака в дверях появился рослый, с простодушным лицом парень в сильной косоворотке. На его голове возвышалась копна черных вьющихся волос. Увидев Есенина, направился к его столику.

— Здравствуй, — тихо, но ясно сказал пришедший. — Меня прислал Петр Иванович. Я подожду в коридоре. Не торопитесь.

И, улыбувшись, быстро ушел. Есенин даже не успел пригласить его за столик. Не допив чай, Есенин вышел в коридор. У перил каменной лестницы стоял провожатый и что-то записывал в синюю книжечку.

«Сочиняет, наверно», — подумал Есенин и, подойдя к парню, слегка хлопнул его по плечу:

— Ну, давайте знакомиться...
— Данилов Михаил, — робко произнес черноволосый.

— А-а — «глаз во лбу», — вспомнил Есенин и спросил:

— Это ваше — «В слепой час»?

— Мое, — чуть слышно пролепетал Данилов и покраснел, как нашкодивший школьник. — А вы прочитали?

Есенин кивнул головой:

— Идемте, на ходу поговорим.

«В слепой час» — название стихотворения Михаила Данилова. Оно было напечатано на второй полосе «Бакинского рабочего», номера, который в кабинете Чагина читал Есенин. Стихотворение было посвящено памяти Степана Шаумяна. Есенину запомнилась строфа, точнее, две ее первые строчки:

У ночи свой час слепой есть,
Гасит она глаз во лбу...

И в час этот черный поезд
Из тьмы подошел к столбу.

— Прочитал, а как же, — начал Есенин, когда они из гостиницы вышли на улицу. Мне понравился образ ночи с горящим глазом во лбу... Образ чего-то страшного, зловещего. И слепой час тут на месте...

Данилов шел рядом с Есениным и сосредоточенно слушал его.

— А вот из той же строфы, — продолжал Есенин, — не ясно, кто черный — час или поезд. И еще. Поезд подошел к столбу. Почему — к столбу? Вот видите: две строчки — два вопроса. Надо ли стихотворение превращать в ребус?

— Конечно, не надо, — растерянно выговорил Данилов.

— Вы на меня не сердитесь, — Есенин остановился и посмотрел в глаза спутнику. — Может быть, я слишком придирчив. На досуге подумайте, прикиньте, что к чему — тогда, может, и все прояснится. Далеко еще идти?

— Да мы уже почти пришли, — живо ответил воспринявший духом молодой поэт. — Вон дом слева, видите? На втором этаже и живет Джаббар. Вы идите, а я пока погуляю.

Есенин предложил Данилову разделить с ним компанию, но тот из-за скромности отказался.

Дом, в котором жил Джаббар, весело смотрел открытыми окнами на неширокую, замощенную диким камнем улицу. От его белых стен веяло теплом и уютом.

«Здесь, должно быть, живут душевные люди», — почему-то подумалось Есенину, когда он, войдя в легко открывшуюся дверь, стал подниматься по узкой лестнице на второй этаж. Наверху его встретил худощавый, среднего роста человек в сером кос-

тюме и, протянув гостю руку, воскликнул с легким акцентом:

— Здравствуй, добро пожаловать! Мы вас ждали и рады, что вы у нас, Сергей Александрович!

Джаббар весь сиял. Он позвал жену и двух черноглазых девочек в светлую, установленную коврами комнату, куда он провел Есенина, и представил ему их одну за другой. Видя суету хозяйки, радушие хозяйки, сверкающие глазенки девочек, можно было подумать, что приход русского поэта — самый радостный праздник в этом доме...

— Да, для отца это и был чудесный праздник, — рассказывает младшая дочь Джаббара Карягды — Шахла. Мы беседуем с ней спустя полвека с того дня, когда у них дома побывал Сергей Есенин. Тогда ей было семь лет. Запомнила ли она поэта? Очень хорошо запомнила.

— У нас часто бывали гости: отец был общительным, любящим дружеские компании человеком, — вспоминает Шахла. — Я читала, что многим людям, впервые видевшим Есенина, бросались в глаза его золотые волосы. Но меня, девочку, тогда больше всего привлекла его улыбка — такая по-детски доверчивая, немного озорная. Шахла раскрывает книгу Есенина, смотрит на его портрет и продолжает:

— Мне он показался моложе, чем на этой фотографии. Помню: он наклонился ко мне, сказал несколько ласковых слов. Потом присел передо мною на корточки и пристально посмотрел мне в глаза. Может быть, это я уже теперь рассуждаю, ему вспомнилась его дочка? Наверно, это так: ведь он ее любил, тосковал по ней. Тут же мама увела меня с сестрой в другую комнату. Я не слышала их разговора, но когда отец запел — услышала. Это была песня «Не дуй, ветер» — отец часто пел ее дома, и мне она очень нравилась. В переводе она звучит так:

Не дуй, утренний ветер,
Не трепли мои волосы.
Я жду свою любимую
И знаю — она не обманет.
Кружит надо мною ястреб желтый,
Мы оба судьбой гонимые.
Он в горы улетит отсюда,
Я в далекий край с любимой уеду.
Пусть луна и солнце
Позавидуют нашей радости.
Мы до дна с любимой выпьем
Счастье любви и воли.

— Пел отец под звуки тара, иногда брал в руки бубен, вот такой, — Шахла показала на бубен, висящий на стене. — Сейчас

я часто слышу по радио-инструментальную версию этой песни. В него входили чист и бубнист. Или мугамы — так или несколько близ песен. Ханенде — матидами. До рева гастролировал в Пшаве, во многих др. большим успехом.

Я смотрю на Шахлу, ставив ее той сестрой смотрел в глаза невозможно. Годы щипцы прорезали на достояние лица, поседела когда-то живые, искорками глаза...

— А еще какую нить? — спрашиваю.

— Помню. Называлась «На базаре продаю». На твоём прекрасном...

Я тебя долго прощаю. Для певца это было...

Ты сама должна и помочь мне пережить...

Неужели ты не видишь? Так приблизь же...

Шахла замолчала, шагнув вперед, шагнув вперед, шагнув вперед. — Этот мугам, — некоторого молчания в присутствии Кирова, говорила мне по-нович был тронут исполнением замечательной песни...

— Я о вас слышала, некоторые ваши песни Джаббар Есенину, в перед низким инкрустированным деревом столиком.

— Да, я деревенский. Но, как сказано, по городу.

— А я родился и вырос в Пшаве. — сказал певец почти все наши мугамы божественная! И вот кустаря красная щипцы лесов и лугов, вдруж этой природы.

— Это открытие пришлось мне. Я подумал, что оно принадлежит всем людям. Но я...

Джаббар закрыл глаза. Разве в колосьях...